

Без хозяина

Если в человеке, по замечанию классика, всё должно быть прекрасно, то не прекрасно ли должно быть и всё созданное для человека? Сколько духовных потерь несёт наше общество лишь из-за того, что красота не принята в расчёт и на её месте воздвигнута нечто сугубо казённое, однотипное, стандартное, в чём гложет вечное стремление человека к неповторимости.

с. 1

...Побродив по старым русским городам, посмотрев, как в свою совесть, в Волгу, заболевая после каждой поездки от того состояния, в каком находятся многие исторические города — святыни нашего народа, снова и снова задаю себе один и тот же вопрос: кто же истинные хозяева городов-памятников, культурного и исторического наследия, стоящего порой на грани полного ухода с нашей земли?

За этим вопросом, как в цепной реакции, следуют другие, и ответить на них нелегко. Но надо! Надо, в очередной раз не сбившись на разъедающий души благостно-оптимистический тон, чтобы на страницах изданий разговор об отношении к Памяти не рождал неверия и скептицизма, не подвергал сомнению наши высокие идеалы, постепенно приучая молодёжь — её в первую очередь — жить в пустыне слов — слов, не подкрепляемых делом.

О том, что виновных нет

В августе 1984 года рухнул центральный купол пятиглавого собора переславльского Никитского монастыря.

— Нет, виновных нет, просто конструкция слишком уж старая. Естественный итог, знаете ли. Хорошо ещё, что людей не было. Перед самым дождём, когда из собора выходил, — слышу, упал кусок штукатурки. Я обернулся, осмотрел всё внимательно: ни одной раскрытой трещины не было. Нет, нет, что вы, персонально за разрушение никто не несёт ответственности. Если хотите, конечно, — продолжал Иван Борисович Пуришев, — я могу рассказать вам подробно, в силу каких причин всё это произошло. Они накапливались годами, но конкретных виновников, повторю, здесь назвать невозможно!

Мой собеседник Пуришев, многие годы руководивший реставрационными работами в Переславле-Залесском, и директор Переславльского историко-художественного музея Михаил Михайлович Семёнов предложили подвезти меня до города, но я остался. Ещё не один час ходил по территории монастыря, смотрел на истекающие от непогоды фрески и останки великолепного купола, который, казалось, словно шлем древнего богатыря-русича, скатился с головы великана в какой-то жестокой, неравной битве.

с. 2

Никитский монастырь — жемчужина Переславля. Построен в 1564 году по велению Ивана Грозного — «восхоте старую церковь построения отца его Василия Иоанновича разобрати» и на месте её «новую церковь больши воздвигнути...» Словом, старина далёкая. А строили настоящие мастера, инженеры каменных дел: один только диаметр барабана поражающей торжественной мощью центральной главы — той, что рухнула, — достигал без малого шести метров.

От монастыря прямо через поле я пошёл к Плещееву озеру. Ударит из-за облака острый лучик солнца, за ним другой — вода вдруг вспыхнет, заиграет, заблещет — но всё это длится только мгновение, будто озеро боится чего-то, словно надо у кого-то просить разрешения на радость, и сегодняшний день — последний солнечный перед ненастьем... Может, это всё выдумки, субъективное восприятие: ведь давно ни для кого не секрет — благодаря строящемуся в Переславле-Залесском химическому заводу озеро гибнет. И, читая в газетах об этом, само озеро начинаешь представлять живым существом, которое способно страдать, сопереживать, радоваться... Не способно лишь отстоять, защитить, оградить себя от человеческого равнодушия.

Я шёл через поле и всё время оглядывался назад, фотографировал, хотелось, чтоб монастырь целиком поместился в кадр. А он всё уменьшался и уменьшался на глазах, пока не скрылся из виду, оставшись лишь глубокой раной в сердце — сиротливый собор на взгорке с рухнувшим куполом...

И до сих пор, вспоминая рассказ Пуришева, задаюсь вопросом: действительно ли то, что случилось здесь, нельзя было предотвратить?

За Загорском, если ехать в сторону Переславля, места лесные. Вот, наверное, потому к названию города и добавляют издавна — Залесский. Дорога — то вверх, то вниз, потом бежит через поля, небольшие, ухоженные, луга и снова через лес. Блеснёт на солнце сквозь сосны уголок воды. И ещё запоминается: деревни — на холмах, там, где дали сливаются с тёмной щёткой леса, стоят они по берегам нешироких и словно застенчивых рек, реже — у самой дороги. И почти ни одного вдоль древнего пути села, где не встречались бы памятники человеческого равнодушия с покосившимися куполами, прохудившейся крышей, развалившейся колокольней. На несколько мгновений они появляются за пыльным ветровым стеклом. Так до самого Переславля, от Переславля до Ростова, а затем и Ярославля...

Начинает смеркаться, и странное чувство охватывает тебя: всё это... эта древняя седая старина — она есть или только на мгновение показалась?

Пока есть. Но через три, пять или чуть больше лет — всё зависит от того, как быстро будут лишённые внимания памятники разрушаться, — её, конечно, не будет. Это если мы отнесёмся к памятникам по-прежнему холодно, не задумываясь проходя мимо гибнущего архитектурного сооружения, состояние которого, по сути, свидетельство многолетнего извращённого отношения к памяти и историческому сознанию народа. Кому же держать тогда ответ перед следующими за нами поколениями, такая терзает исподволь мысль. Печальное время небрежения к собственной истории и культуре Н. К. Рерих, помнится, точно назвал «тихими погромами»...

В Николо-Улейминском монастыре — это в сторону от Переславля, уже под Угличем, — куда мы приехали с прорабом Угличского отделения ярославских реставрационных мастерских М. Ф. Синельниковым, в центральном соборе на протянутых между столбов верёвках сушились носки воспитанников школы-интерната... А поражающая необыкновенным колоритом роспись на высоту вытянутых человеческих рук уже сбита. Теперь новая мода «сбирательства» захлёстывает ярославскую землю, узнаю во время поездки: с каменной кирпичной стены варварски спиливаются, сбиваются фрески, но если в результате такой «работы» и попадает в руки грабителя в качестве сувенира «лик», то можно представить, сколько же бывает попутно уничтожено. Умельцами, специализирующимися на ограблении памятников, а точнее, на их разрушении, рассказывали реставраторы, создана даже специальная машинка, особый инструмент, чтоб, не применяя чрезмерных усилий, выковыривать из древних стен изразцы. Варварство по отношению к памятникам истории и культуры считалось уголовно наказуемым деянием ещё до революции. Известно, какое внимание уделял В. И. Ленин сохранению нашего исторического наследия. Так неужели, вопреки заветам Владимира Ильича сохранить лучшее из культурного наследия прошлого, будут и сегодня бездействовать столь очевидные для сбережения нравственного здоровья людей законы? И не пора ли вместо бесконечных увещеваний всерьёз задуматься о том, что равнодушие, попустительство и прямое потворство варварству — всё это уголовно наказуемо?..

с. 3

Три места, три сооружения, три шедевра есть на ярославской земле — хочется рассказать о них особо.

Толгский монастырь — в прошлом оплот борьбы русского народа против татаро-монгольских завоевателей. Находящиеся в крайне тяжёлом состоянии красивейшие его сооружения, с редкостным кедровым парком, *не имеющим себе равных в мире*, выходят прямо на песчаный берег Волги. Правда, Толгу обещали отреставрировать — к 1990 году (см.: Овчинников С. Н., заместитель председателя Ярославского облисполкома. Забота и внимание. — Альманах «Памятники Отечества», 1981, № 3, с. 27). Срок этот, если сопоставить его с объёмом работ в монастыре и с тем, как используются сегодня средства, отпущенные на реставрацию в области, представляется нереальным. Но хоть есть надежда... А пока даже днём сюда, монастырь всего в одиннадцати километрах от Ярославля, зайти страшно: Толга давно дурно славится уединённостью и своими трущобами, раскинувшимися вдоль древних стен.

Кафедральный Преображенский собор столицы бурлаков и верхневолжского купечества, старого русского города Рыбинска (ныне Андропова) с мощными, сияющими на солнце куполами, золото которых было видно с Волги едва не за двадцать вёрст. Теперь к кафедральному собору — единственному, кстати, среди сохранившихся из тех, что некогда украшали волжские

города, — если подниматься от пристани, не подойти (право, неловко за своих соотечественников о таком и рассказывать), минуя общественное сооружение с башенками-фонарями, на которых изображены всем известные, обозначающие две половины рода человеческого, буквы.

В самом соборе, где городской архив, приоткрылась на минуту тяжёлая дверь, высунулся заспанный сторож: воскресенье, никто не работает — веет из архива холодом, пронизывающей до костей сыростью.

Усадьба Тишининых — это чуть ниже Рыбинска по Волге. Здесь запустение, вокруг усадебного дома, который строился, рассказывала доцент кафедры истории КПСС Андроповского авиационно-технологического института, заместитель председателя совета городского отделения. ВООПИК Л. М. Марасинова, по указаниям гениального русского архитектора Василия Баженова, заросли непроходимой крапивы. От прошлого великолепия остались только мгновенные, как картинка из далёкого далёка, воспоминания старушки Веры Николаевны, я познакомился с нею в деревне:

— Сюда в двадцатых годах перевели интернат — и всё ещё было цело. Хорошо помню белый рояль. Знаете ли... луна, и звуки волшебной музыки, стекающие по мраморной лестнице к Волге... Этакое чудо...

— Нет, не знаю, Вера Николаевна, — пришлось признаться мне. Представляется всё это уже плодом чьей-то фантазии. Романтично, но нереально. Потому что знать, что *было*, и видеть то, что *есть*, слишком больно.

Кто же виновник уничтожения этой усадьбы? Сегодня его не найти. Не найти, кто отвечает за её сохранность перед народом и перед законом. Не найти и тех, кто мог бы провести тут хотя бы консервационные работы — в старинном городе, по сути, нет толка даже от филиала ярославских реставрационных мастерских, хотя об их открытии торжественно было объявлено (там же, с. 20). Зато в благополучии живут те, кто ради сиюминутной пользы и выгоды засыпает придорожные канавы в деревне битым баженовским кирпичом...

Бродя по унылым комнатам тишининской усадьбы, могучие метровые стены которой всё ещё сопротивляются человеческому варварству (между прочим, портреты культурнейших людей своего времени Тишининых с гордостью экспонируются в местном художественном музее), прикинул: во сколь реально обошлось бы восстановление этого дома, одного из тех исторических мест, где создавалась культура нашего народа. Даже если считать «по максимуму» — цифры небольшие. И вспоминалась другая цифра, которую называли мне — во что обошлось строительство городского Дворца культуры, а всего их в городе несколько, — его сметная стоимость пять миллионов рублей (не считая того, что вложено сюда городскими предприятиями)! И вспоминаю такие ещё слова: «Мы, если надо, у себя в клубе стены хоть в три слоя золотом обобьём!»

В три слоя — это можно! Да только мудро ли так расходовать огромные средства — ведь, по данным Министерства культуры СССР, залы клубов заполняются-то всего на 30—40 процентов, не более. А в ведомственных заводских Дворцах города Андропова людей бывает, узнавал, и того меньше, к тому же из них около шестидесяти процентов приходят, хотя и не регулярно, только чтобы посмотреть зарубежный фильм или потанцевать. Иные учреждения досуга закрыты не только в будни, но и в субботние и воскресные дни. И в то же время разрушается превосходная усадьба, которая при минимуме вложенных в неё средств могла бы стать отличным местом отдыха молодёжи, пансионатом для рабочих, дачей творческой интеллигенции города... Да мало ли можно найти разнообразных форм приспособления памятника архитектуры к современным условиям!.. Вот такая информация к размышлению — не только для партийных, советских организаций города (к более подробному рассказу о нём мы ещё вернёмся) — для обкома и горкома комсомола... С такими мыслями садился я на отходящую из Тишинина «Ракету». Забрав редких пассажиров, она быстро набирала ход, и вот уже летит по-над Волгой, как белая птица. Чуть показались из-за деревьев тишининские купола. И исчезли...

с. 4

О хороших словах, всё же требующих проверки

— Нас, реставраторов, часто ругают, видят в нас каких-то бессердечных людей, просто не желающих восстанавливать памятники — вот ведь как порой вопрос-то ставится! Чёрствыми нас считают. А реставратор, доложу я вам, переживает больше других за сохранность истории. Только памятников много, а нас — единицы.

Из окна директора ярославской реставрационной мастерской Виктора Даниловича Шаульского видна Волга. Место для дирекции выбрано благодатное, отделаны на загляденье и стоящие рядом памятники. Ходили мы и к умельцам, что творят поистине чудеса чудесные, можно было порадоваться и тому, что довелось увидеть здесь, на базе реставраторов в Ярославле, обслуживающей по преимуществу лишь сам областной центр. Тут есть всё: и склад, и сушилка для теса, тёплый бокс для грузовых автомобилей, кузница, столярка, построена даже сауна, чтоб можно было после работы как следует отдохнуть.

Разговор с директором открытый, откровенный.

— Вот памятники нашей области, — объясняет он мне, когда мы заговорили о рухнувшем соборе в Переславле. — И раньше они, конечно, старились, но теперь подвергаются не только климатическому воздействию, но и разрушению... общественностью!

Слово «общественность» Шаульский употреблял в негативном контексте не один раз, как же наболело у этого человека, даже если слово с изначалью, казалось бы, положительным оттенком для него приобрело противоположный смысл.

— Если мы даже что-то оперативно и делаем, через год от того, что мы сделали, ничего не остаётся — всё «общественность» на сараи свои растащит или просто-напросто ребятишки сожгут. Нет у реставрированных памятников и надёжного хозяина, серьёзного, ответственного заказчика. А управление культуры — оно одно заказчиком быть не может.

Да и как нам нормально работать, — с горечью заключает Виктор Данилович, — если бюджет наш такой же, как и в Костромской области, где число памятников — четверть наших, да и то вряд ли наберётся. Нам «живых» денег надо в шесть-восемь раз больше, чем костромичам или владимирцам, — край-то наш, Ярославия, по количеству памятников равных себе в России не имеет...

Слушал Виктора Даниловича и не знал, чему верить. За два дня перед этим разговором директор историко-художественного музея в Переславле дал мне одну любопытную бумагу, которую при мне заполнил собственноручно. Название у неё, прямо скажем, скучное — «План реставрационных работ на 1986 год Переславского реставрационного участка». Да, цифры любопытные. Их немного, и я не утомлю читателя. Вот как распределяются в Переславле, судя по этой бумаге, предназначенные на реставрацию деньги:

Горицкий монастырь — 36 тысяч.

Спасо-Преображенский собор — 18 тысяч.

Жилой дом реставрационного участка — 66 тысяч.

Контора участка — 14 тысяч.

Церковь в Городищах — 9 тысяч.

База реставрационного участка — 20 тысяч.

Фёдоровский монастырь (ещё база участка) — 36 тысяч.

Никитский монастырь — 45 тысяч.

с. 5 Прочие памятники — 45 тысяч.

Всего 289 тысяч. Собственно, на памятники из них, посчитать нетрудно, 153 тысячи, то есть едва больше половины. Как же согласовать с этими выкладками слова Шаульского?

— Да, нам нужны в год не два, а двадцать — двадцать пять миллионов рублей, — доказывал он мне, — да чтобы они хоть наполовину были обеспечены материалами, вот тогда вы с нас и спросите, вот тогда мы посмотрим, кто из нас памятники больше-то любит — те, кто разглагольствует об их плохом состоянии, или те, кто настоящее дело делает, от гибели их спасая.

Не купол уникального собора рухнул в Переславле-Залесском — гром прогремел: далеко не всё в порядке с реставрационным делом в области. О том свидетельствуют цифры, что привёл выше. Вот и грядут по области разрушения. С 1972 года решался вопрос ремонта, замены кровли на уникальной Сорокасвятой церкви, что в устье реки Трубеж, впадающей в Плещеево озеро. Много раз отпускались деньги, но реставраторы (по информации коменданта по памятникам Переславля) предпочитают работать там, где выгоднее, — на промышленных предприятиях города, в других учреждениях. Результат: роспись стен церкви теперь практически уничтожена дождями и непогодой. Ещё примеры? На протяжении пяти лет не может решиться вопрос об укреплении стен придела Троицкого собора Даниловского монастыря. Вот-вот упадёт уникальная церковь в селе Елизарове, уже несколько лет отпускаются деньги на её укрепление, но реставраторы не хотят ничего делать. В церковь стало просто страшно зайти — по всей восточной стене зияет огромная трещина...

Как же так могло получиться, что дело, ради которого создавалась вся система реставрационных мастерских, оказалось в подчинённом положении, а те, кто, по логике вещей, должен был бы выступать в роли заказчика, порой выступают в роли просителя? Каким образом произошёл этот перевёртыш? И когда? Почему директор одного из богатейших музеев страны — Переславль-Залесского историко-художественного музея-заповедника, являющегося хранителем ценностей на десятки миллионов рублей, не может призвать к порядку зарвавшегося прораба, который, не подчиняясь ни городским властям, ни решениям своей партийной организации, выполняет лишь те работы, какие ему по тем или другим причинам выгодны? И кто же, как не руководители центральной реставрационной мастерской в Ярославле, виноват в том, что реставраторы не занимались в достаточной мере ни теперь уже рухнувшим Никитским собором, ни практически стоящим на грани такого же разрушения Фёдоровским собором, ни трапезной палатой Никитского монастыря и многими другими объектами города? Подойти к ним, не испытав жгучего стыда за тех, кто по удивительной и благородной профессии своей должен живот положить, чтобы подобное никогда даже в мыслях не происходило, невозможно. И не о реставрации даже речь: были бы памятники законсервированы, пока для многих из них и этого достаточно. Увы!.. О каких двадцати миллионах на реставрацию может идти речь — помните, о них говорили мне во время беседы в Ярославле, если в Переславле-Залесском снимаются с памятников деньги как неиспользованные? И почему так получается, что на реставрации в Переславле работают вместо двадцати с лишним, по сути, только двенадцать человек? Кто же тут должен разводить руками, а кто — осуществлять за работой этих людей самый жёсткий контроль?

Из этой, да и из многих других ситуаций искали мы вместе с ярославскими товарищами выход.

— Выход? Местные Советы депутатов — вот где выход. Мы, мастерская, можем им дать консультацию, можем осуществить контроль за работами, но ведь и они должны что-то предпринимать. А разве будут они что-то делать, пока их не обяжут? — с глубокой болью вздыхает Шаульский. И, бросив взгляд на его вздрагивающие от волнения пальцы, чувствую, разговоры эти даром ему не даются.

Уже дома, в Москве, перелистав дорожные блокноты и вспомнив слова директора, я специально заглянул в авторитетные справочники, чтобы полнее узнать, какие же обязанности у Советов народных депутатов. Прочёл об их деятельности в области землепользования, охраны природы, строительства, использования трудовых ресурсов, производства товаров народного потребления, социально-культурного, бытового и иного обслуживания населения... Но нигде не увидел хотя бы двух строк о том, что должны делать Советы с памятниками районного, республиканского или союзного значения, находящимися на их территории, хотя в седьмой статье Закона об охране памятников истории и культуры сказано: государственный контроль за охраной и использованием памятников «осуществляется Советами депутатов трудящихся», то есть Советами народных депутатов.

Но где по-настоящему это делается?

В июле ЦК КПСС рассмотрел вопрос «О дальнейшем совершенствовании партийного руководства Советами народных депутатов». Работа Советов перестраивается, обновляется содержание, улучшаются формы и методы их работы. Новые возможности в деятельности Советов позволяют лучше решать вопросы, касающиеся как повседневных забот людей, так и тех, что связаны с воспитанием в людях чувства гражданственности, патриотизма, любви к родной земле. В «шефстве» Советов над историческими памятниками нашей культуры, шире — Памятью о прошлом, без знания которой невозможен рост великого древа будущего нашего Отечества, — залог сохранения великолепных сооружений, одухотворённых гением предков.

...Передо мной гора бумаг о тревожном положении памятников в Переславле, ясны теперь истоки конфликта ярославских реставрационных мастерских и заказчика в Переславле, то есть тех, чьи интересы мастерские и должны обслуживать. Конфликт тлеет, а страдают памятники нашего Отечества, и пока этот скрытый, но временами дающий знать о себе языками пламени взаимных упреков процесс идёт — памятники с нашей земли уходят...

Неужели невозможно провести культурную инвентаризацию памятников области — один из больных для реставраторов вопросов, о чём тоже говорил мне Шаульский. Представляя все трудности, поразмыслив, приходишь к выводу: дело это вполне осуществимое. И штат специалистов увеличивать не потребуется, если призвать на подмогу здешнюю молодёжь и десятки обеспокоенных состоянием памятников, равнодушных к истории людей, ежедневно едящих по области. Да и то сказать: в области насчитывается свыше 160 тысяч членов

Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Это огромная армия людей! Уверен, у них найдётся время и достанет желания помочь, чтобы состояние каждого памятника на сегодняшний день хотя бы известно было в ярославских реставрационных мастерских. Ведь сумели же объединить добровольных помощников в Москве, Новгороде, Рязани, других русских городах. И надо-то всего было: местному отделению ВООПИК, войдя в контакт с журналистами, дать объявление в газете. А разве так ли уж трудно через «молодёжку» провести с читателем заочный «кликбез» о том, как надо памятник обмерить, сфотографировать, описать, зарисовать... А позже в реставрационной мастерской провести обработку поступившей почты созданной — опять-таки на добровольных началах — группой. И, учитывая возникшие проблемы, через газету дать новые практические советы помощникам.

— Край-то Ярославия — удивительный, памятники его уникальны, и такой красоты уже никто и никогда не повторит на нашей планете! Утверждаю это с полной уверенностью, как специалист, — сказал мне на прощание Шаульский.

О городе, который не может ждать

У Рыбинска (я использую старое название города, ибо веду речь о его истории) своеобразная биография. Впрочем, сказать это мало, надо совершить сначала путешествие в его прошлое, хотя сделать это на данный момент не так уж и просто, поскольку многие виды исторического Рыбинска расплылись и поблели, стёрты людским небрежением.

Мне довелось побывать во многих волжских городах, в ста шестидесяти с лишним городах Советского Союза, но ни на один из них Рыбинск не похож.

Не знаешь, чему в первую очередь поражаться: то ли открывающемуся тебе мастерству безвестных плотников и каменщиков, необычайной высоте и культуре строительного дела, чем владели наши предки, то ли соразмерности улиц и всего города в целом, когда архитектура его, создаваемая многими зодчими, всё же подчинена была единой задаче — *благородного обустройства* человеческой жизни...

Рыбинску «не везёт»: нет в городе своей реставрационной мастерской, нет даже филиала ярославского реставрационного центра, который, по идее, должен охватывать всю область. В куда меньшем по масштабам Угличе, напрашивается сравнение, совершенно всё по-другому. И вот ведь что особенно обидно: в районном городе Рыбинске — с не столь давних времён стараниями своих радетелей он в ранге исторического — средств на благоустройство старого центра, для приведения в порядок уникальных домов, особняков, реставрацию и реконструкцию их, приспособление под культурные нужды почти не находится... А между тем культурный генофонд города, увы, невелик. Положение не спасают ни одинокие шедевры, ни музей, живущий своими специфическими заботами и тревогами, ни долженствующий быть во многом центром культурной жизни драматический театр, здание которого, говоря мягко, архитектурно неудачно. Колонны, должны по замыслу создавать величие, исчерканы, исписаны. Деталь, конечно, но, проходя мимо, я не раз думал: неужели никому тут не стыдно? Не стыдно... Потому как, видно, не перед кем стыдиться. Не перед своими же! Они-то ко всяким видам попривыкли. А туристов в городе немного, и будет ли в ближайшем будущем больше? Одна из причин: у рыбинской пристани не останавливаются пассажирские теплоходы. Мне объяснили, что рядом шлюзы, уровень Волги всё время меняется, и большие корабли не могут приставать к дебаркадерам, им нужна особая пристань. Но я почему-то вспомнил, что шлюзы есть и в Угличе, и они работают, пропуская суда с не меньшей интенсивностью, но там, у самого Угличского кремля, обустроенные баржи с подсобными помещениями на борту, и корабли один за другим швартуются к ним. В день, как говорил мне директор Угличского музея-заповедника, туристов бывает несколько тысяч...

Поневоле задумываешься вот о чём: а ведь два лица у Рыбинска. Да точно так же — у Переславля, Углича, Ростова. И словно два у них хозяина. Один — бережливый, рачительный, думающий, болеющий за всё, что в жизни происходит, и пытающийся в меру сил своих и понимания изменить мир к лучшему. И даже если не всё у него получается, всё равно попытка такого изменения благородна — она из человека, мирно, безропотно ждущего, делает человека страдающего, отстаивающего, любящего, могучего своим ощущением корней и сути всего сущего. Другой...

Говорили мы об этом, собрав энтузиастов возрождения древнего города в редакции рыбинской городской газеты «Верхневолжская правда».

В газете раз в квартал (!) выпускают полосу, посвящённую истории города. Здесь мечтают о том, чтобы во спасение исторического ядра Рыбинска провести для начала «круглый стол» совместно с партийным и комсомольским активом города, директорами заводов, общественностью и редакцией какого-либо центрального издания, которое смогло бы поднять, осветить и взять на контроль многочисленные проблемы сохранения исторического наследия. А идея закрепления ряда городских памятников за крупными предприятиями Рыбинска давно созрела, как убеждали меня.

Говорили мы и о том, почему в деле охраны памятников на Ярославщине часто получается так: в теории одно, на практике — другое. Самое прекрасное на словах: идейно, нравственно и эстетически воспитывая молодёжь, призывая её ценить и хранить прошлое, мы поневоле «обязываем» её жить как бы «двойной философией», отстраняясь от реального положения дел. Не от этой ли «философии» проистекают многие сегодняшние беды? Сколько было говорено-переговорено о том, что слова «родные», «род», «Родина», «родство» — одного корня и что, вольно или невольно подрывая эти корни, опираясь лишь на техническую мощь, мы упускаем главное — *духовный потенциал* человека.

Побывав в Андропове, ловлю себя на мысли, что, не прикоснувшись к его разрушаемой красоте, тонкой и такой, оказывается, хрупкой, я, быть может, сам того не осознав, духовно недобрал бы чего-то чрезвычайно важного для себя, определяющего смысл жизни.

Ломается на воде золотой шпиль единственной в своём роде колокольни. Уйдёт ли в Лету старый Рыбинск? А с ним та красота, какую никто и никогда не повторит?..

Правда, сейчас дела здесь во многом меняются к лучшему — свидетельством тому официальные ответы из Андроповского ГК КПСС, Министерства культуры РСФСР, опубликованные в газете «Советская Россия» (где также поднимался вопрос о судьбе исторического города). И всё же проблем по-прежнему остаётся немало. Чуть-чуть поворачивается стрелка жизни, когда время и жизнь требуют совершенно иного поворота — резкого, энергичного, чтобы не благодный закат, а яркий бодрящий рассвет врывался в души.

Максим Иванов.
Переславль-Залесский — Ярославль —
Андропов — Москва.